

Д. С. Глебова
НИУ ВШЭ, Москва, Россия. darsgleb@gmail.com

ПОЛОЦКОЕ КНЯЖЕСТВО КАК ПАМЯТЬ О ДАВНИХ ВРЕМЕНАХ В СТАТЬЯХ ЛАВРЕНТЬЕВСКОЙ И ИПАТЬЕВСКОЙ ЛЕТОПИСЕЙ ЗА XII СТОЛЕТИЕ

Исследование посвящено формам обращения к прошлому в погодных статьях Лаврентьевской и Ипатьевской летописей за XII в. Комплексное изучение отсылок к дальнему прошлому за этот период позволяет выявить единую нарративную структуру, проясняющую роль полоцких князей в династической «мифологии» Рюриковичей.

Ключевые слова: память, XII век, Лаврентьевская летопись, Ипатьевская летопись, Полоцк, Рогнеда, образ прошлого

Исследование выполнено за счет гранта Фонда Михаила Прохорова «Карамзинские стипендии-2022».

Один из самых известных сюжетов Лаврентьевской летописи (далее – Лавр.) отражен в ней дважды – в рамках Повести временных лет (далее – ПВЛ) и за ее пределами. Это рассказ о Рогнеде и князе Владимире Святославиче: в первый раз он появляется в ПВЛ под 980 (6488) г.¹, а во второй – уже во Владимиро-Суздальской летописи, продолжении ПВЛ в Лаврентьевской летописи, под 1128 (6636) г.² Канва этого рассказа известна: Рогнеда отказывает Владимиру, он забирает ее силой, убивая при этом ее братьев и отца, полоцкого князя Рогволода. В статье 1128 г. этот сюжет дополняется новыми деталями и мотивами и получает продолжение: Рогнеда пытается мстить Владимиру, но неудачно, в результате Владимир отправляет Рогнеду и Изяслава в Полоцк, выделяя для них отдельную отчину.

Прагматика обращения к легенде о Рогнеде под 1128 г. не раз обсуждалась. В Лавр. этот рассказ является отступлением, объясняющим поход Мстислава Владимировича (Великого) на полоцкие земли «на кривичей» (Лавр., 1127 (6635) г.; Ипатьевская летопись (далее – Ипат.), 1128 (6636) г.)³, результатом которого становятся разгром полочан и последующая высылка полоцких князей в Византию (Лавр., 1129 (6637) г.; Ипат., 1130 (6638) г.)⁴. Объяснение этого конфликта есть и в Лавр., и в Ипат., но вводится оно по-разному. В Лавр. объяснение представлено в виде объемного отступления о Владимире и Рогнеде, данного до известия о высылке полоцких князей и четко выделенного зачином « $\odot$ си^x же Всеславичи^x сице есть яко ск³заша вѣдущии пре^ж»⁵ и окончанием «и оттолѣ мечь взимають Роговоложи внуци противу Ярослав-

¹ ПСРА. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. Стб. 75–76.

² ПСРА. Л., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 299–301.

³ Там же. Стб. 297–299; ПСРА. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 292–293.

⁴ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 301; Т. 2. Стб. 293.

⁵ Эту фразу исследователи интерпретировали по-разному. Так, А. В. Рукавишников рассматривает ее как прямую отсылку к устной традиции [Рукавишников, 2003, с. 108]. В свою очередь, А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский видят в ней ссылку на рассказ 980 г. в ПВЛ [Литвина, Успенский, 2006, с. 336]. Несмотря на различие в трактовке, исследователи сходятся на том, что составитель рассказа 1128 г. так или иначе был знаком с эпизодом 980 г. В этом они расходятся с точкой зрения А. А. Шахматова, который считал рассказы 980 и 1128 гг. независимо восходящими к одному источнику, точнее воспроизведенному во фрагменте 1128 г. – кроме финального объяснения, которое появилось под пером летописца, пытавшегося согласовать предание и вражду Мстислава и полоцких князей [Шахматов, 2002, с. 176–178; Шахматов, 2003, с. 379]. Все указанные исследователи сходятся на том, что в какой-то форме сказание о Владимире и Рогнеде существовало уже в XI–XII вв.; ср. схожую точку зрения М. В. Довнар-Запольского, по мнению которого рассказ появился в дружинной среде Владимира Мономаха и Мстислава Владимировича [Довнар-Запольский, с. 70–71]. Последний обзор взглядов на время сложения рассказа 1128 г. был сделан А. И. Грушей, который также предположил, что частично рассказ сложился в Изяславле и уже оттуда попал в Лавр. [Груша, с. 29–30, 33].

лимъ внукомъ»⁶. В Ипат. же о причинах похода сказано только после указания на высылку полоцких князей: сначала кратко под 1130 г. («Оу се же лѣто поточи Мъстиславъ Полоцкий кнѣзь съ женами и с дѣтми въ Грѣкы еже преступиша хрестъное челоование (выделено мной. – Д. Г.)»)⁷, а затем, под 1140 (6648) г., более развернуто – по версии летописца, полоцкие князья не только не ответили на призыв Мстислава Великого, но и «желали здоровья» половецкому хану Боняку⁸, о чем прознал Мстислав и потому сразу же пошел на полоцких князей, как только появилась возможность⁹. Таким образом, в Лавр. конфликт объясняется историей давно минувших дней, в то время как в Ипат., наоборот, событиями совсем недавними, современными Мстиславу Владимировичу и его противникам¹⁰.

Объяснение событий 20-х гг. XII в. с помощью легенды о событиях X в. обычно мотивируют идеологической установкой летописца XII в., которая проявляется в фактических изменениях рассказа 980 г., а также в расширяющих его мотивах и деталях¹¹. Так, особое внимание исследователей привлекало изменение в списке сыновей Владимира и Рогнеды: если в рассказе 980 г. в ПВЛ к их числу принадлежат и Изяслав, и Ярослав Мудрый, то в известии 1128 г. – только Изяслав. Исчезновение Ярослава из списка сыновей Владимира от Рогнеды и появление финальной фразы о вражде внуков Рогволода и внуков Ярослава создают такую модель истории Рюриковичей, в которой полоцкие князья и потомки Ярослава Мудрого враждуют, так как будто бы происходят из разных родов, хотя на деле внуками Рогволода были и те, и другие. Это отличие статьи 1128 г. А. В. Рукавишников назвал примером «манипуляции семейной памятью», в ходе чего уже известная по ПВЛ история была переписана летописцем XII в. под влиянием политики Мстислава, которому, по мнению автора, было невыгодно помнить, что он и его братья происходили из того же рода, что и потомки Изяслава ([Рукавишников, 2002, с. 45; Рукавишников, 2003, с. 110]; ср. схожее мнение: [Литвина, Успенский, 2006, с. 339; Литвина, Успенский, 2018, с. 145]). Такое концептуальное изменение сопровождается включением мотивов и деталей, не присутствовавших в рассказе 980 г., но известных составителю XII в.: так, во второй части статьи 1128 г. исследователи находили мотивные сходства с источниками летописными и византийскими [Стендер-Петерсен, с. 171; Темчин, с. 305–307], а также скандинавскими и западно- и восточноевропейскими [Рыдзевская; Никольский; Литвина, Успенский, 2006; Михеев, 2010]. Некоторые из этих мотивов (например, переименование Рогнеды в Гориславу) исследователи трактуют тоже как элементы идеологии, как указание на особое отчужденное положение полоцких князей [Литвина, Успенский, 2006, с. 353]; некоторые же могли появиться как след литературных предпочтений современников летописца, в том числе двора Мстислава Великого и его жены, шведки Кристины [Литвина, Успенский, 2006, с. 341–342]. Таким образом, в существующей интерпретации рассказ 1128 г. оказывается отражением идеологического нарратива первой трети XII в. о Полоцком княжестве.

Привлекает внимание то, в какой форме этот идеологический нарратив о Полоцком княжестве сохраняется в Лавр. С одной стороны, этот рассказ уникален для раннего летописного повествования: использование в одном своде одного и того же текста, но в разных функциях и с изменением деталей больше не встречается ни в Повести временных лет, ни в Киевской ле-

⁶ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 299–301.

⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 293.

⁸ Возможно, поддерживали с ним дипломатические связи (А. Ф. Литвина, устный комментарий).

⁹ ПСРА. Т. 2. Стб. 303–304.

¹⁰ О разнице причин высылки полоцких князей в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях см. также: [Рукавишников, 2003, с. 106].

¹¹ Наиболее подробный анализ различий между рассказами 980 и 1128 гг. предложен в работе: [Литвина, Успенский, 2006]; ср. также: [Рукавишников, 2003].

тописи, отраженной в Лавр. и Ипат., ни в новгородском летописании за XII в.¹² С другой стороны, при всей необычности формы эпизода под 1128 г. его прагматика для летописания за XII в. вполне привычна – по сути он является обращением к прошлому, что на этом отрезке летописи встречается не единожды. В такой перспективе появляется возможность задаться вопросом о функционировании обращений к прошлому в летописании за XII столетие и месте рассказа о Владимире и Рогнеде среди них: если в 20-е гг. XII в. возникает необходимость облечь идеологию в форму обращения к прошлому, не возникает ли такой необходимости и далее, и если да, то к какому прошлому и в каких контекстах происходят такие отсылки?

Отдельные обращения к прошлому в летописном повествовании за XII в. не раз попадали в фокус внимания исследователей. Так, были отмечены случаи, когда в летописании отражается историческая память о событиях прошлого [Лихачев, с. 76–77; Гимон, 2018]. Кроме того, наблюдение за отсылками к прошлому позволяет увидеть отличия летописного повествования за XII в. от повествования ПВЛ: если в ПВЛ преобладают отсылки к Священной и внешней истории, что подкрепляет *национальную* модель истории, то в повествовании XII в. чаще встречаются ссылки на свою внутреннюю историю (на саму ПВЛ), что обосновывает историю *династическую* [Franklin, p. 166–167]; ср. схожий взгляд через призму отличий в упоминаниях Ярослава Мудрого у Н. Ф. Котляра [Котляр, 2008, с. 206]. Однако в известных мне работах все вместе, включая рассказ о Рогнеде под 1128 г., отсылки к прошлому в летописном повествовании за XII в. никогда не рассматривались, хотя такое комплексное рассмотрение позволяет не только отметить наличие исторической памяти, но и взглянуть на механизмы ее работы в династической истории Рюриковичей, отраженной в летописании за XII в. Но сначала требуется определить, с какими именно отсылками к прошлому легенду о Рогнеде можно сравнивать. Материалом для такого исследования будет сама Лавр., где этот рассказ и встречается, и Ипат., с которой Лавр. в части за XII в. имеет общий южнорусский источник, известный как Киевская летопись¹³.

Близкое и дальнее прошлое

Рассказ о Владимире и Рогнеде под 1128 г. в Лаврентьевской летописи является отсылкой к *дальнему прошлому* – между 980 и 1128 гг. пролегал 148 лет, жизнь нескольких поколений. В такой отдаленности этот рассказ контрастирует с многочисленными отсылками к *близкому прошлому*, рассыпанными по повествованию за XII в. в Лавр. и Ипат.¹⁴, то есть такими, где живы либо герои вспоминаемых событий, либо их очевидцы. Наиболее частым случаем возвращения к прошлому являются объяснения событий погодной записи через отсылку к событиям, произошедшим с теми же героями в недавнем прошлом, но в летописи не описанным. Именно так устроен эпизод в Ипат., параллельный рассказу о Рогнеде под 1128 г. в Лавр.: под 1130 г. говорится о ссылке полоцких князей, но причина не объясняется – она появляется только

---

¹² Здесь не имею в виду так называемые «дублировки», часто встречающиеся в анналистическом историописании, и в летописях в том числе, – повторы одних и тех же заголовков или известий могут возникать в подобных продолжающихся текстах, например, из-за смены переписчика или из-за вмешательства позднейшего редактора (о дублировках заголовков в древнеанглийской анналистике см.: [Гимон, 2012, с. 248, 344, 427]; о дублировании похода Рюрика на Галич 1206 г. в Лаврентьевской летописи см.: [Вікул, с. 200]).

¹³ Самый свежий обзор дискуссии о первичности и вторичности каждой из версий Киевской летописи см.: [Лавренченко, с. 21–61].

¹⁴ Разделение на ближайшее и дальнее прошлое можно соотнести с концепцией коммуникативной и культурной памяти, развитой в работах Яна и Алейды Ассман, – первая существует в рамках 80–100 лет, пока очевидцы событий еще живы; вторая возникает, когда очевидцев уже не остается (см. последнее дополненное издание: [Assman, p. 34–41]; рус. перевод: [Ассман, с. 50–59]). При этом в случае летописей значимыми представляются даже не столько количество лет, разделяющих событие и воспоминание о нем, сколько качественные особенности самих по себе упоминаний событий прошлого – разделение на близкое и дальнее прошлое просто по количеству лет было бы слишком механистичным.

под 1140 г., когда князья возвращаются, и подается как краткий пересказ событий конца 20-х гг. XII в., то есть временное возвращение в ближайшее прошлое, о котором в летописи подробно не говорилось. Намного реже (всего один раз) встречается ссылка на ближайшее прошлое, о котором в летописи уже было рассказано, ср. под 1145 г. в Ипат. рассказ об ослеплении польского воеводы Петра, где указывается, что это тот самый воевода, который в 1122 г. (Ипат.) захватил Володаря Ростиславича, – известие подается как рассказ о божьей каре Петру за захват Володаря¹⁵. Как и в случае рассказа о причине ссылки полоцких князей под 1140 г., летописец вспоминает о захвате Володаря из-за ослепления Петра, то есть с героем рассказа из прошлого что-то происходит в настоящем¹⁶. В этом состоит главное отличие таких отсылок от рассказа о Владимире и Рогнеде – рассказ под 1128 г. повторяется совсем не в связи с участниками описанных в нем событий.

К ссылкам на ближайшее прошлое следует отнести и типичные для летописания сравнения князя с его отцом. Так, например, под 1140 г. Мстислав Великий в его походах на половцев уподобляется его отцу, Владимиру Мономаху: Мстислав «наслѣди ѿца своего поть¹⁷. Володимера. Мономаха. великаго. Волоѣмиръ самъ собою постоѣ на Доноу. и много пота оутерьъ за землю Роускою»¹⁸. Эти случаи тоже являются отсылками к прошлому, так как в них проводится параллель между текущей ситуацией и историей рода, но все же это прошлое не является столь отдаленным, как рассказ о Владимире и Рогнеде в контексте событий XII в. В целом формульность таких отсылок (ср. также упоминания «отчины и дедины») не позволяет напрямую сравнивать их даже с другими отсылками к ближайшему прошлому, и потому они требуют отдельного рассмотрения.

Ближе к рассказу о Владимире и Рогнеде будут случаи обращения не к близкому, а к *дальнему прошлому*. Сюда можно было бы отнести цитаты, формулы и нарративные модели из ПВЛ, часто встречающиеся в рамках летописного повествования за XII вв. [Прохоров, с. 78; Franklin, p. 166]. Однако в таких случаях в старые лекала вставляются новые переменные, чего не происходит в легенде о Владимире и Рогнеде, так как ее задача – отослать к событию прошлого, а не быть материалом для создания нового повествования.

К дальнему прошлому можно отнести и отсылки к образам и формулировкам Борисоглебского цикла. Так, например, под 1139/1140 г. князь Андрей Владимирович Добрый сравнивает Всеволода Ольговича со Святополком Окаянным и вспоминает, что Святополк ради «волости» убил Бориса и Глеба¹⁹; сюда же следует отнести и конструирование известного рассказа об убийстве Андрея Боголюбского по модели рассказа об убийстве Бориса и Глеба. Однако история об убийстве Бориса и Глеба отличается от рассказа о Владимире и Рогнеде тем, что она выходит за пределы исторического повествования, становясь частью Священной истории, ср., например, как в Лавр. под 1186 г. распря между рязанскими князьями сравнивается сначала с враждой Каина и Авеля, а затем сразу с убийством Бориса и Глеба Святополком («ѿако в прежнихъ днѣи. Каина на Авела брата своего. а потомъ Стополка на Бориса и Глѣба власти

¹⁵ Об этом эпизоде подробнее см.: [Стефанович].

¹⁶ В этом эпизоде единственный раз появляется прямое указание на его наличие в прошлом письменном повествовании: «w немже бѣ в заднихъ лѣтѣхъ писано» (ПСРА. Т. 2. Стб. 319). А. А. Шахматов относил этот случай к взятым из Галицко-Волынской летописи, часть которой за XII в. до нас дошла только в таких вкраплениях в Киевскую летопись, – возможно, уникальность этой прямой ссылки на прошлые записи объясняется иным происхождением и самой записи [Шахматов, 1938, с. 71].

¹⁷ Погодинский и Хлебниковский списки дают чтение «путъ» (ПСРА. Т. 2. Стб. 303. Примеч. 34).

¹⁸ ПСРА. Т. 2. Стб. 303.

¹⁹ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 309; Т. 2. Стб. 305. Такие сравнения появляются в Лавр. и в повествовании за XIII в.: под 1217 г. в описании князя Глеба Владимировича Рязанского, собирающегося восстать на брата, летописец сравнивает его со Святополком Окаянным (ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 440).

ради. абы единому власть прияти. а бра^тю избити. тако и сихъ подоустри»²⁰. Напротив, рассказ о Владимире и Рогнеде под 1128 г. является отсылкой к светской истории. Именно такие отсылки к конкретным историческим событиям своего далекого прошлого, которые при этом не являются «строительным материалом» нового повествования, и будут объектом дальнейшего анализа.

Дальнее прошлое в Киевской летописи

В Лавр. и Ипат. за XII в. можно найти всего шесть случаев отсылок к далекому прошлому со всеми отмеченными выше характеристиками: включая сам рассказ о Владимире и Рогнеде, это 1) рассказ 1128 г., 2) рассказ об убийстве Игоря Ольговича под 1147 г., 3) рассказ о сборах Мстислава Владимировича Храброго на Всеслава Васильковича под 1178 г., 4) и 5) отсылка к разделу земель Ярославом Владимировичем Мудрым под 1174 и 1195 гг. и 6) уподобление Рюрика Ростиславича Всеволоду Ярославичу (сыну Ярослава Владимировича Мудрого) при описании строительства стены церкви Св. Михаила под 1199 г.

У первых трех отсылок есть одна важная общая черта – все они относятся к Полоцкому княжеству. О прагматике рассказа о Рогнеде в Лавр. уже было сказано, это объяснение вражды Мстислава с полоцкими князьями. Здесь ветвь старшего сына Владимира, Изяслава, противопоставляется остальным ветвям Рюриковичей от других сыновей Владимира и Рогнеды.

Две другие отсылки, связанные с Полоцким княжеством, встречаются только в Ипатьевской летописи. В рассказе об убийстве Игоря Ольговича под 1147 г. появляется воспоминание о полоцком князе Всеславе Брячиславиче. Так, в 1147 г. Игорь Ольгович, будучи пленен Изяславом Мстиславичем годом ранее, уже пострижен в монахи и находится в монастыре в Киеве. Во время мятежа 1147 г. в Киеве один из киевлян вспоминает, что когда-то в Киеве таким же образом был заточен Всеслав Брячиславич: «... и ре^ч единъ члвкъ по кнзи своемъ ра^д идемъ но первое ш семь промыслимъ акоже и пре^ж створиша. при Изславѣ Ярославичѣ высѣкше Всеслава ис пороуба злии шни. и постави^ш кнза собѣ. и много зла бы^с про то градоу наше^м. а се Игорьъ ворогъ на^шго кнза и на^ш не в пороубѣ но въ стѣмь Федорѣ...»²¹. Киевлянин вспоминает эпизод заточения Всеслава Брячиславича в Киеве в 1068 г., когда тоже из-за мятежа Изяслава Ярославича изгнали из Киева, а Всеслава выпустили из темницы. Тогда, немного поправив в Киеве, Всеслав бежал в Полоцк, а Изяслав Ярославич, вернувшись домой, перерезал большую часть города. Таким образом, воспоминание о событиях 1068 г. в 1147 г. объясняет мотивировку киевлян при убийстве Игоря Ольговича: не желая допустить того же развития событий, киевляне убивают Игоря Ольговича заранее.

Самой яркой отсылкой к прошлому и тоже к фигуре Всеслава Брячиславича является рассказ 1178 г. в Ипат. о намерении Мстислава Ростиславича Храброго пойти на полоцкого князя Всеслава Васильковича. В летописи сказано, что дед Всеслава (точнее, прадед, Всеслав Брячиславич) ходил на Новгород (имеются в виду походы, описанные в ПВЛ под 1063 и 1067 гг.) и разорил город, многое украл²². Мстислав же собирается «оправить» (исправить)²³ обиду Новгородской земли: «пойде на Полтѣскъ. на зата на своего. на Всеслава. ходилъ бо баше дѣдъ его на

---

²⁰ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 400. Отсылки, относящиеся к Борисоглебскому циклу, уже давно рассматривают как часть стратегии ранних древнерусских летописцев, старавшихся встроить Русь в Священную историю христианского мира: как Авель считается первым святым (первой жертвой) в человеческой истории, так и Борис и Глеб, также убитые братом, оказываются первыми святыми/жертвами в истории Руси [Успенский, с. 47]. В целом обращение к прошлому в рамках встраивания Руси в Священную и всемирную историю хорошо изучено и имеет обширную историографию, ср.: [Подскальски, с. 330–351; Franklin; Водолазкин] и др.

²¹ ПСРА. Т. 2. Стб. 349.

²² Имеются в виду походы, описанные в ПВЛ под 1063 и 1067 гг.

²³ И. И. Срезневский определяет значение этого глагола в данном примере как 'защитить', однако учитывая, что дело происходит сильно позже похода Всеслава на Новгород, более близким здесь кажется значение 'исправить',

Новъгородъ. и взалъ ерѣлмъ црѣквнѣи и сосоуды слоужебнѣи. и погостъ ѡдинъ завель тескъ²⁴. Мъстиславъ же все то хота шправити. Новгородскоую волость. и шбидоу»²⁵.

Рассказ о Мстиславе под 1178 г. типологически очень близок к рассказу о Владимире и Рогнеде. Во-первых, сразу бросается в глаза давность прошлого, к которому делается отсылка, – Мстислав собирается «оправлять обиду» спустя больше чем 100 лет (а точнее, 115/113 лет после двух походов Всеслава). Так, и в легенде о Рогнеде, и в рассказе о Мстиславе речь идет об отсылке к такому прошлому, память о котором перестала быть «живой», коммуникативной (термин Я. Ассмана), так как современников тех событий, скорее всего, уже не осталось. В этом он отличается от рассказа об Игоре Ольговиче, который к вспоминаемому прошлому ближе (между событиями 79 лет). Во-вторых, воспоминание о прошлом в рассказе о Мстиславе близко к легенде о Рогнеде функционально. Хотя на наиболее общем уровне все три отсылки к прошлому (и Рогнеда, и воспоминания о Всеславе под 1147 и 1178 гг.) функционируют как причины происходящего в современности (*это происходит, потому что когда-то случилось X*), при более детальном рассмотрении они различаются: если легенда о Рогнеде и воспоминание в известии 1178 г. вводятся в повествование как прямая причина, на которую отвечает современное княжеское действие, то в рассказе об убийстве Игоря Ольговича в прямой речи киевлян с прошлым проводится скорее ассоциативная параллель. Из-за этого действие киевлян оказывается не ответом на произошедшее в прошлом, а перестраховкой, чтобы не случилось как в прошлый раз. Учитывая, что за этим эпизодом следует описание жестокой мученической смерти Игоря Ольговича, уподобление ситуации пленению Всеслава Брячиславича может восприниматься как ложная мотивировка убийства – выходит, будто киевляне убивают святого человека, руководствуясь лишь страхом, что история повторится. Если принять во внимание мнение А. А. Шахматова, считавшего, что этот эпизод был взят из летописи Ольговичей, составитель которой сочувствовал Игорю [Шахматов, 1938, с. 72], то основной задачей отсылки к прошлому здесь могла быть демонстрация ошибочности действий киевлян. В использовании легенды о Рогнеде или воспоминания о Всеславе под 1178 г. нет ни ассоциативной параллели, ни мученического описания полоцких князей, а потому их следовало бы рассматривать отдельно от убийства Игоря Ольговича, как иную структуру²⁶.

В целом заметна особая ориентированность повествования о Мстиславе Ростиславиче на прошлое. Так, в этой же статье, в некрологе Мстислава Ростиславича приводится уподобление Мстислава его «деду Всеволоду», что является одним из самых загадочных мест статьи – в некрологе приводятся слова новгородских «лучших мужей», что Мстислав сотворил свободу Новгородцам от поганых, как и его дед Всеволод: <добро бы ны ны (sic!) гѣне с тобою оумрети. створшешоу толикою свободоу Новгородъцемъ. ѿ поганыхъ. ꙗкоже и дѣдъ твои. Всеволодъ. свободил ны баше ѿ всѣхъ шбидъ ты же баше гѣне мои семоу поревноваль. и наслѣдилъ поуть дѣда своего»²⁷.

восстановить' (Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. Стб. 690).

²⁴ Погодинский и Хлебниковский списки дают чтение «за полтескъ» (ПСРА. Т. 2. Стб. 608. Примеч. 77).

²⁵ ПСРА. Т. 2. Стб. 608. По свидетельству о походе Всеслава в Новгородской первой летописи старшего извода под 1066 (6574) г. Всеслав не только захватил Новгород, но и забрал с собой колокола и паникадила из Софийского собора (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 17). Можно было бы предположить, что под исправлением обиды могло иметься в виду в том числе их возвращение.

²⁶ При этом стоит учитывать, что легенда о Рогнеде и воспоминание о Всеславе в рассказе о Мстиславе Ростиславиче тоже существенно различаются по форме повествования: если легенда о Рогнеде оказывается уникальным случаем проявления взгляда самого летописца, создающего метанарратив о повествуемых событиях, то воспоминание о Всеславе подается в прямой речи Мстислава, то есть является включенным в летописное повествование. Однако, как уже было сказано, по степени удаленности от настоящего и функционально эти два случая намного ближе друг к другу, чем к отсылке к прошлому в рассказе об убийстве Игоря Ольговича.

²⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 610.

Дедом Мстислава мог бы быть назван Всеволод Ярославич, прадед Мстислава²⁸. Проблема этой интерпретации может состоять в характеристике Мстислава, по которой он называется освободителем новгородцев от всех обид, – если под Всеволодом имеется в виду Всеволод Ярославич, то непонятно, как именно он выступал в той же освободительной роли, что и Мстислав, так как по летописным источникам он не известен деяниями, похожими на освобождение новгородцев от всех обид, и в Новгороде никогда не сидел. В такой роли освободителя скорее мог выступать дядя Мстислава Ростиславича, Всеволод Мстиславич, который правил в Новгороде и мог удостоиться похвалы новгородцев за его военные походы на емь 1123 г. и на чудь 1130–1131 гг.; существенно, что, попав в Новгород, Мстислав Ростиславич тоже собирает поход на чудь – до него в поход туда, судя по Лавр., Ипат. и Новгородской первой летописи, ходил только Всеволод Мстиславич. Однако непонятно, почему Всеволод Мстиславич тогда был назван «дедом» Мстислава Ростиславича, когда он приходился ему дядей. В обсуждении этого эпизода исследователи скорее склонны идентифицировать «деда» Мстислава с Всеволодом Ярославичем: так, Б. Н. Флоря этот выбор аргументировал тем, что при Всеволоде Ярославиче в Новгороде «установилась практика выбора новгородцами посадника, соправителя князя» [Флоря, с. 42 (со ссылкой на: [Янин, с. 83–84])]. В последнее время эта идентификация была поддержана Т. В. Гимомом [Гимон, 2018, с. 177, примеч. 47; с. 179, примеч. 50], а также П. В. Лукиным [Лукин] и С. М. Михеевым [Михеев, 2022]. С другой стороны, идентификацию «деда Всеволода» как Всеволода Мстиславича поддержали А. В. Назаренко и В. И. Охотникова [Назаренко, Охотникова, с. 545], а также А. А. Гиппиус и Е. Ю. Щеголькова в недавнем докладе [Гиппиус, Щеголькова]²⁹.

С точки зрения отсылок к прошлому этот случай уподобления Мстислава «деду Всеволоду» стоило бы рассматривать отдельно, вместе с другими случаями уподоблений князей их предкам, так как в таких уподоблениях – в отличие, например, от рассказа о планируемом походе Мстислава Ростиславича на Полоцк – нет отсылок к конкретным событиям прошлого³⁰. Однако если рассматривать сопоставление с «дедом» Всеволодом вместе с более ранним указанием, что Мстислав собирался идти «оправлять» обиду, нанесенную Новгороду Всеславом Брячиславичем, возникает вопрос, почему в повествовании о Мстиславе Ростиславиче появляется такая густота отсылок к прошлому, причем, если имеется в виду все же Всеволод Ярославич, к одному конкретному периоду. Для этого следует вернуться к обсуждению отсылок к давнему прошлому, схожих с легендой о Владимире и Рогнеде.

Функция отсылок к дальнему прошлому

В легенде о Владимире и Рогнеде, а точнее, в ее «новой» части, зафиксированной только под 1128 г. в Лавр., можно выявить нарративную структуру, которая в известиях XII в. будет реактуализироваться. Следует напомнить основные точки этой части рассказа. Так, после

---

²⁸ Термин «дед» в этой годовой статье распространяется и на более ранние поколения предков, ср., например, как там же «дедом» Всеслава Васильковича называется Всеслав Брячиславич (см. выше).

²⁹ Можно было бы также чисто гипотетически предположить, что в некрологе Мстислава Ростиславича две фигуры его предков, дальнего и близкого, Всеволода Мстиславича и Всеволода Ярославича, могли слиться в один образ, «деда», напрямую терминологически не подходящий ни к одному, ни к другому. Такое слияние позволяет прочертить линию основных предков Мстислава Ростиславича, включающую и родоначальника его ветви Рюриковичей, Всеволода Ярославича, и его наиболее значимого предшественника в Новгороде после Мстислава Великого, Всеволода Мстиславича, чьи военные победы Мстислав повторяет.

³⁰ К таким случаям отношу уподобления, в которых выстраивается цепочка предков князя, подтверждающая его легитимность в том или ином городе. Ср., например, когда новгородцы встречают князя Изяслава Мстиславича, собирающего новгородцев биться с Юрием Владимировичем Долгоруким, словами: «ты на^и кнзь ты на^и Володимиръ. ты на^и Мьстиславъ. ради с тобою идемъ своихъ дѣла вбидь» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 370; см.: [Литвина, Успенский, 2006, с. 353, примеч. 43]) или расширенную родословную из зачина правления Юрия Владимировича Долгорукого в Ипат. под 1149 г.: «Начало кнжения. в Киевѣ кнза великаго Дюрга снѣ Володимира. Мономаха. внука Всеволожа. правнука Ярослава. пращюра великаго Володимира. хрѣтившаго всю землю Рускою» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 383).

того как Владимир получает Рогнеду, Рогнеда против него восстает и пытается заколоть во сне, а когда Владимир собирается в ответ ее убить, она вкладывает своему сыну Изяславу в руку меч и просит его сказать Владимиру, когда тот придет, что они не одни. В результате вместо того, чтобы казнить Рогнеду за нападение, – а это, вероятно, подразумевалось, так как бояре Владимира просят его не убивать Рогнеду ради Изяслава («вни же рекоша оуже не оубии еѧ дѣтати дѣла сего»), – Владимир дает Рогнеде и Изяславу отдельную волость. Приведу обсуждаемый летописный фрагмент целиком: «... и повелѣ ею оустроитиса во всю тварь цѣрьскую. ѧкоже в днь посага еѧ. и сѣсти на постели свѣтлѣ. в храминѣ да пришедѣ потнетъ ю. вна же тако створи. и давши же мечь сынови своему Изяславу в руку нагѣ. и реѣ ѧко внидетъ ти шѣ рци выступа. шѣ еѧ да еѧдинѣ мнишиса хода. Володимерѣ же реѣ. а хто та мнѣлѣ сдѣ. и повергѣ мечь свои. и созва болары. и повѣда иѣ. вни же рекоша оуже не оубии еѧ дѣтати дѣла сего. но въздвѣгнѣи штчину еѧ. и даи еѧ с сыноѣ своимѣ. Володимерѣ же оустрои городѣ. и да има. и нареѣ има городу тому Изяславѣ»³¹.

В этом фрагменте можно выделить следующие значимые мотивы:

- а) Рогнеда нападает на Владимира – *нападение со стороны (будущих) полоцких князей*;
- б) Владимир пресекает нападение и готовится на него ответить мщением Рогнеде – *отражение нападения со стороны «главного» Рюриковича*;
- в) вместо казни Изяслав и Рогнеда отправляются в восстановленное Полоцкое княжество – *сохранение в Полоцке, помилование*.

Если рассматривать вражду Мстислава Владимировича с полоцкими князьями и рассказ о ее последствиях в Ипат., то можно выделить схожую структуру. Важно оговорить, что она появляется не в отдельном метанарративе о дальнем прошлом, как в рассказе о Рогнеде, а в погодных статьях, фиксирующих современные события:

Нападение/агрессия со стороны полоцких князей. Полоцкие князья предают Мстислава Владимировича – он обвиняет их не только в отказе присоединиться к нему в походе на половцев, но и, возможно, в сговоре с половцами: «... заточени били. Мѣстиславомѣ великѣмѣ. княземѣ Киевскѣмѣ. зане не бахоутъ его воли. и не слышахоутъ его. коли е зовашеть в Роускоую землю в помощь. но паче молвахоу Бонакови шелоудивомоу. во здорovie»³². Под 1130 г. в Ипат. действие полоцких князей обозначается как преступление крестного целования.

Отражение нападения со стороны «главного» Рюриковича. В ответ на предательство и потенциальный сговор с половцами Мстислав громит Полоцкое княжество и ссылает полоцких князей в Византию.

Сохранение в Полоцке, помилование. По Лавр. полоцкие князья правят в Полоцке уже в 1132 г.: Василько Святославич, внук Всеслава Брючиславича, занимает Полоцк в 1132 г. и остается там без возражений со стороны киевских князей до Рогволода Борисовича³³. По Ипат. полоцкие князья правят в Полоцке после своего возвращения из ссылки и смерти Мстислава: в 1143 г. по Ипат. и в 1144 г. по Лавр. Изяслав Мстиславич отдает свою дочь за Рогволода Борисовича, который в это время уже правит в Полоцке. Хотя здесь нет прямого помилования, важен сам факт возвращения полоцких князей в Полоцк практически сразу после ссылки.

Мне представляется, что в Лавр. фиксируется легенда не только о том, как зарождается вражда между полоцкими князьями и потомками Ярослава Мудрого, но и о том, какую роль играют эти княжеские «кланы» в символическом мире князей XII столетия. В таком символическом нарративе – воплощающемся не только в легенде о Рогнеде, но и в самом образе действий киевских князей по отношению к полоцким – роль полоцких князей состоит в том, что,

³¹ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 300–301.

³² ПСРА. Т. 2. Стб. 303.

³³ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 302.

с одной стороны, от них исходит угроза, которой «главному» князю удастся избежать, а с другой – «главный» князь оставляет им жизнь и позволяет сохранить свое место в Полоцке. О существовании такого символического нарратива лучше всего говорит как раз эпизод 1178 г., где возникает та же структура:

а) Мстислав собирается идти на Полоцк, чтобы «оправить обиду», тем самым реактуализуя старую угрозу полоцких князей – *нападение* Всеслава Брючиславича на Новгород (*нападение/агрессия со стороны полоцких князей*);

б) ответом на это нападение должен стать военный поход Мстислава Ростиславича (*отражение нападения со стороны «главного» Рюриковича*);

в) в дело вмешивается его брат, князь Рюрик Ростиславич (один из главных претендентов на киевский престол), который уговаривает оставить полоцких князей в покое (*сохранение в Полоцке, помилование*).

Таким образом, отражая угрозу полоцких князей и в то же время сохраняя их на своем месте в Полоцке, Ростиславичи символически претендуют на место «главного» князя в нарративе о Полоцком княжестве – место, занимаемое сначала Владимиром Святославичем (Святым), а затем Мстиславом Владимировичем (Великим). Символичность этой конструкции тем заметнее, что никакой угрозы со стороны Полоцкого княжества уже давно нет и Всеслав Василькович ни на кого не нападает – в отличие от Рогнеды в легенде о Рогнеде или полоцких князей, предающих Мстислава Владимировича.

Причина появления такой конструкции может крыться в актуальной для XI–XII вв. княжеской иерархии, с которой, однако, сопряжено немало трудностей. С одной стороны, если рассматривать право старшинства, установленное Ярославом Мудрым, ретроспективно, то полоцкие князья имеют большее право на киевский престол, чем Мономашичи, к которым относятся и Мстислав Владимирович, и Мстислав и Рюрик Ростиславичи, и потому удержание полоцких князей на их месте может быть особой задачей князей, занимающих Киев. С другой стороны, место полоцких князей в княжеской иерархии является известной точкой напряжения, связанной с так называемым княжеским изгойством – согласно «Уставу Всеволода», князь, чей отец умирает раньше, чем его дед, теряет свое старшинство в родовой иерархии, становится изгоем. Не пытаюсь решить здесь эту обширную проблему, отмечу, что, во-первых, время возникновения и самого «Устава», и пункта о княжеском изгойстве остается предметом споров [Пресняков, с. 45–46; Литвина, Успенский, 2015; Литвина, Успенский, 2020, с. 30, примеч. 2], а во-вторых, походы Всеслава Брючиславича 60-х гг. XI в. и его согласие занять ненадолго киевский престол или особое внимание Мстислава Владимировича к Полоцку говорят о том, что пункт о княжеском изгойстве не был предметом всеобщего консенсуса. Реальный порядок вещей и зафиксированный в «Уставе Всеволода» могли существенно различаться, для чего в том числе и была бы нужна разработка символического нарратива, подобного описанному выше.

Отсылки к прошлому того вида, что представлен в известиях 1128 и 1178 гг., типологически схожи с отсылками к фигуре Ярослава в речах Ольговичей под 1174 и 1195 гг., исследованными в работах Н. Ф. Котляра [Котляр, 2003; Котляр, 2008]. Имеются в виду эпизоды, когда Ольговичи пытаются получить на волости Мономашичей: в 1174 г. части южнорусских земель требует у Ярослава Изяславича Святослав Всеволодович, в 1195 г. на Киев и Смоленск претендуют Ярослав Всеволодович и другие Ольговичи. В обоих случаях Ольговичи апеллируют к тому, что они тоже Ярославичи, а потому имеют право на Киевскую волость: «Я не угринь, ни ляхъ, но одиного деда есмы внуци, а колко тебе до него, только и мне»³⁴; «мы есмы не угре,

---

³⁴ ПСРА. Т. 2. Стб. 578.

ни ляхове, но единого деда есмы внуци»³⁵. Как показал Н. Ф. Котляр, Мономашичи в обоих случаях на это отвечают похожим образом, отсылая к разделу Киевской волости в 1026 г. между Ярославом и Мстиславом Владимировичами – в обоих известиях Ольговичи как будто должны наследовать той стороне волости, которая принадлежала Мстиславу Владимировичу (он сел в Чернигове, где затем правили и Ольговичи), и когда они претендуют на весь Киев, они будто бы преступают принцип разделения земель, существующий со времен Ярослава Мудрого («чему тобѣ наша ѿчина **тобѣ си сторона не надобѣ** (выделение мое. – Д. Г.)»³⁶; «целоуи к намъ крѣтъ со всею своею братьею. како въ не искати. ѿчны нашеа. Кыева и Смоленска под нами и под нашими дѣтми. и подо всимъ нашимъ Володимеримъ племенемъ. **како насъ роздѣлили дѣдъ нашъ. Ярославъ по Днѣпръ. а Кыевъ въ не надобѣ** (выделение мое. – Д. Г.)»³⁷) [Котляр, 2008, с. 209–210]. В реальности же Ольговичи имеют на Киев то же право, что и Мономашичи, однако их праву противостоит реактуализованное воспоминание о разделе земель между Ярославом Мудрым и его братом. Как и в случае с полоцким нарративом, этот миф – между 1174 и 1195 гг. и 1026 г. пролегает 148 и 169 лет соответственно, то есть это уже давно не живая, коммуникативная память, а нарратив, открытый для изменения и использования, – рассчитан на то, чтобы удержать Ольговичей на своем месте: как полоцкие князья должны оставаться в Полоцке, так и Ольговичи должны оставаться в Чернигове.

Главное различие между «мифом» о полоцких князьях и «мифом» об Ольговичах состоит в том, как эти нарративы в летописи применяются. Если «миф» о месте Ольговичей всегда возникает в ситуации непосредственной коммуникации с Ольговичами, как часть нарратива (в прямой речи), то «миф» о полоцких князьях проявляется на уровне моделирования действий князей. Так, он становится образом действий, воссоздаваемым князьями для своей легитимации: от Владимира Святого к Мстиславу Владимировичу, а затем к Мстиславу и Рюрику Ростиславичам. Схожее воссоздание действий предшественника с четкой задачей провести параллель между собой и им можно встретить в известии о Рюрике Ростиславиче под 1199 г., когда Рюрик уподобляется Всеволоду Ярославичу в его любви к церкви Св. Михаила в Выдубицком монастыре – Рюрик не просто любит церковь так же, как его предок, но и закладывает там новую стену, то есть совершает какие-либо улучшения этого места впервые со времен Всеволода Ярославича («мнози. же самодержици придоша. держащеи столъ. кияжения Киевского ѿ того же болюлюбиваго Всеволода иже созда цркъвь тоу родовъ четьри. и ни единъ же вослѣдова любви его к мѣстоу томоу») ³⁸. Мне представляется, что и действия Мстислава Ростиславича по отношению к полоцким князьям являются таким символическим уподоблением его предшественникам.

Таким образом, отсылки к дальнему прошлому в статьях Лаврентьевской и Ипатьевской летописей за XII в., за исключением одного примера (уподобление Рюрика Ростиславича Всеволоду Ярославичу), расходятся в двух направлениях: три отсылки посвящены Полоцкому княжеству, две – Ольговичам. И те, и другие являются героями и участниками символических нарративов (мифов), сконструированных на основе воспоминаний об очень далеком прошлом, – их основная мысль заключается в том, чтобы и полоцкие князья, и Ольговичи оставались на своем месте и с него не сходили. При этом если «миф» об Ольговичах существует только в вербальной форме, то «миф» о полоцких князьях воспроизводился на уровне действий князей – он и отразился в нарративной форме в легенде о Рогнеде и Владимире под 1128 г. в Лаврентьевской летописи.

³⁵ Там же. Стб. 688–689.

³⁶ Там же. Стб. 578.

³⁷ Там же. Стб. 688.

³⁸ Там же. Стб. 709.

Литература

- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М., 2004. 363 с.
- Вілкул Т. А. Літопис і хронограф. Студії з домонгольського київського літописання. Київ, 2015. 518 с.
- Водолазкин Е. Г. Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палеяного повествования XI–XV веков). 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2008. 493 с., [4] л. цв. ил., факс.
- Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М., 2012. 689 с.
- Гимон Т. В. Устная традиция о событиях XI в. в средневековом Новгороде // Древнейшие государства Восточной Европы. 2016 год. М., 2018. С. 157–183.
- Гиттиус А. А., Щеголькова Е. Ю. «Второй Всеволод» и «внук Мстислава»? К биографии новгородского князя Ярослава Владимировича. II. Доклад, прочитанный на конференции «Историко-филологические чтения 2022», Великий Новгород, 3 августа 2022 г. URL: <https://novgorodmuseum.ru/visit/sobytiya/istoriko-filologicheskie-chteniya-2022> (дата обращения: 03.10.2022).
- Груша А. И. Был ли древнерусский Изяславль сообществом памяти? // Народы и культуры славянского мира Восточной Европы в исторической ретроспективе (Беларусь, Украина, Россия, Польша). Гродно, 2020. С. 28–35.
- Довнар-Запольский М. В. Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII в. Киев, 1891. VIII, 170 с.
- Котляр Н. Ф. «Отчина» Ярославичей (родовая память в летописи) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 год. М., 2003. С. 113–120.
- Котляр Н. Ф. Ярослав и его время в общественном сознании второй половины XI – XIII в. // Ярослав Мудрый и его эпоха. М., 2008. С. 202–214.
- Лаврентченко М. А. «Речи» Киевской летописи XII века (источниковедческое исследование). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2021. 201 с.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006. 740 с.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Княжеское сиротство: Об одном актуальном параметре престолонаследия на Руси XII в. // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: Современные исследования и перспективы развития. Материалы XXVII Международной научной конференции. Москва, 9–11 апреля 2015 г. М., 2015. С. 58–64.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контурсы русско-варажского культурного взаимодействия. М., 2018. 191 с.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Династический мир домонгольской Руси. М., 2020. 430 с.
- Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве и культура его времени. 2-е изд., доп. Л., 1985. 351 с., 1 л. ил.
- Лукин П. В. Кем был «первый Всеволод»? К интерпретации ктиторовской надписи в храме Спаса на Нередице // Доклад, прочитанный на конференции «Историко-филологические чтения 2021», Великий Новгород, 6 августа 2021 г. URL: <https://novgorodmuseum.ru/visit/sobytiya/istoriko-filologicheskie-chteniya-2021> (дата обращения: 13.06.2022).
- Михеев С. М. Легенда о Владимире и Рогнеде и скандинавская традиция (к параллели с легендой о сыновьях Хейдрека) // Именослов: История языка, история культуры. СПб., 2010. (Труды Центра славяно-германских исследований. I). С. 169–179.
- Михеев С. М. Датированная запись о закладке псковского Троицкого собора Всеволодом Мстиславичем в новгородской рукописи XII века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 4 (90). С. 7–22. DOI10.25986/IRL.2022.4.90.002
- Назаренко А. В., Охотникова В. И. Всеволод (Гавриил) Мстиславич. Почитание // ПЭ. М., 2005. Т. 9. С. 545–547.
- Никольский С. А. О характере участия женщин в кровной мести (Скандинавия и Древняя Русь) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 год. М., 2001. С. 160–168.
- Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. для рус. пер. / Пер. А. В. Назаренко; под. ред. К. К. Акентьева. СПб., 1996. 572 с.

- Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. 635 с.
- Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРА. Л., 1974. Т. 28. С. 77–98.
- Рукавишников А. В. Некоторые вопросы истории Полоцкой земли домонгольского периода // Русское Средневековье. 2000–2001 гг. М., 2002. С. 40–69.
- Рукавишников А. В. Почему полоцкие князья были сосланы в Византию: свидетельства источников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 2 (12). С. 99–111.
- Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (материалы и исследования). М., 1978. (Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1978). 240 с.
- Стендер-Петерсен А. Варангика: историко-филологические исследования. М., 2021. 384 с.
- Стефанович П. С. Володарь перемышльский в плену у поляков (1122 г.): источник, факт, легенда, вымысел // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3 (25). С. 56–74; № 4 (26). С. 78–89.
- Темчин С. Н. Общий элемент двух рассказов о женах князя Владимира: византийской принцессе Анне и полоцкой княжне Рогнеде // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. Материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба (Москва, 14–16 октября 2015 г.). М.; Вологда, 2017. С. 294–307.
- Успенский Б. А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. 124 с.
- Флоря Б. Н. Представления об отношениях власти и общества в Древней Руси (XII – начало XIII в.) // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.). М., 2012. С. 9–94.
- Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. 372 с.
- Шахматов А. А. История русского летописания. В 2-х т. СПб., 2002. Т. 1. Кн. 1. 484, [1] с., [1] л. портр.; СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2. 1021, [2] с.
- Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. 511 с.
- Assman J. Cultural Memory and Early Civilization. Writing, Remembrance, and Political Imagination. Cambridge, 2011. 319 p.
- Franklin S. Borrowed Time: Perceptions of the Past in Twelfth-Century Rus' // The Perception of the Past in Twelfth-Century Europe. London, 1992. P. 157–172.

References

- Assman, Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Remembrance, and Political Imagination in the High Cultures of Antiquity]. Trans. from German by M. M. Sokol'skaya. Moscow, 2004. 363 p.
- Assman, J. Cultural Memory and Early Civilization. Writing, Remembrance, and Political Imagination. Cambridge, 2011. 319 p.
- Dovnar-Zapol'skii, M. V. Ocherk istorii Krivichskoi i Dregovichskoi zemel' do kontsa XII v. [An Essay on the History of the Krivichi and Dregovichi Lands until the End of the 12th Century]. Kiev, 1891. VIII, 170 p.
- Florya, B. N. Predstavleniya ob otnosheniyakh vlasti i obshchestva v Drevnei Rusi (XII – nachalo XIII v.) [Ideas about the Relations of Power and Society in Old Rus (12th – Early 13th Century)]. In *Vlast' i obshchestvo v literaturnykh tekstakh Drevnei Rusi i drugikh slavyanskikh stran (XII–XIII vv.)*. Moscow, 2012. Pp. 9–94.
- Franklin, S. Borrowed Time: Perceptions of the Past in Twelfth-Century Rus'. In *The Perception of the Past in Twelfth-Century Europe*. London, 1992. Pp. 157–172.
- Gimon, T. V. Istoriopisanie rannesrednevekovoi Anglii i Drevnei Rusi: Sravnitel'noe issledovanie [Historiography of Early Medieval England and Old Rus: A Comparative Study]. Moscow, 2012. 689 p.
- Gimon, T. V. Ustnaya traditsiya o sobyitiyakh XI v. v srednevekovom Novgorode [Oral Tradition about the Events of the 11th Century in Medieval Novgorod]. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2016 god*. Moscow, 2018. Pp. 157–183.
- Gippius, A. A., Shchegol'kova, E. Yu. "Vtoroi Vsevolod" i "vnuk Mstislava"? K biografii novgorodskogo knyaza Yaroslava Vladimirovicha. II ["The Second Vsevolod" and "Mstislav's Grandson"? To the Biography of Prince Yaroslav Vladimirovich of Novgorod. II]. Report read at the conference "Historical and Philological Readings 2022", Veliky Novgorod, August 3, 2022. URL: <https://novgorodmuseum.ru/visit/sobytiya/istoriko-filologicheskie-chteniya-2022> (accessed October 03, 2022).

- Grusha, A. I. Byl li drevnerusskii Izyaslavl' soobshchestvom pamyati? [Was Old Russian Izyaslavl' a Community of Memory?]. In *Narody i kul'tury slavyanskogo mira Vostochnoi Evropy v istoricheskoi retrospektive (Belarus', Ukraina, Rossiya, Pol'sha)*. Grodno, 2020. Pp. 28–35.
- Kotlyar, N. F. "Otchina" Yaroslavichei (rodovaya pamyat' v letopisi) [The "Fatherland" of the Yaroslavichs (Ancestral Memory in the Chronicle)]. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2001 god.* Moscow, 2003. Pp. 113–120.
- Kotlyar, N. F. Yaroslav i ego vremena v obshchestvennom soznanii vtoroi poloviny XI – XIII v. [Yaroslav and His Time in the Public Consciousness of the Second Half of the 11th – 13th Century]. In *Yaroslav Mudryi i ego epokha.* Moscow, 2008. Pp. 202–214.
- Lavrenchenko, M. L. "Rechi" Kievskoi letopisi XII veka (istochnikovedcheskoe issledovanie) ["Speeches" of the Kievan Chronicle of the 12th Century (Source Study)]. Dissertation for the Degree of Candidate of History. Moscow, 2021. 201 p.
- Likhachev, D. S. Slovo o polku Igoreve i kul'tura ego vremeni [The Tale of Igor's Campaign and the Culture of Its Time]. 2nd edition, expanded. Leningrad, 1985. 351 p., 1 l. of il.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Vybor imeni u russkikh knyazei v X–XVI vv. Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki [The Choice of the Name of the Russian Princes in the 10th – 16th Centuries. Dynastic History through the Lens of Anthroponymy]. Moscow, 2006. 740 p.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Knyazheskoe sirotstvo: Ob odnom aktual'nom parametre prestolonaslediya na Rusi XII v. [Princely Orphanhood: About One Actual Parameter of Succession to the Throne in Rus of the 12th Century]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny i istochnikovedenie: Sovremennyye issledovaniya i perspektivy razvitiya. Materialy XXVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 9–11 aprelya 2015 g.* Moscow, 2015. Pp. 58–64.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Pokhvala shchedrosti, chasha iz cherepa, zolotaya luda... Kontury russko-varyazhskogo kul'turnogo vzaimodeistviya [Praise of Generosity, Skull Cup, Golden Luda... Contours of the Russian-Varangian Cultural Interaction]. Moscow, 2018. 191 p.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Dinasticheskii mir domongol'skoi Rusi [The Dynastic World of Pre-Mongol Rus]. Moscow, 2020. 430 p.
- Lukin, P. V. Kem byl "pervyi Vsevolod"? K interpretatsii ktitorskoi nadpisi v khrame Spasa na Nereditse [Who Was the "First Vsevolod"? To the Interpretation of the Ktitor Inscription in the Church of the Savior on Nereditsa]. Report read at the conference "Historical and Philological Readings 2021", Veliky Novgorod, August 6, 2021. URL: <https://novgorodmuseum.ru/visit/sobytiya/istoriko-filologicheskie-chteniya-2021> (accessed June 13, 2022).
- Mikheev, S. M. Legenda o Vladimire i Rognede i skandinavskaya traditsiya (k paralleli s legendoi o synov'yakh Kheidreka) [The Legend of Vladimir and Rogneda and the Scandinavian Tradition (To the Parallel with the Legend of the Sons of Heidrek)]. In *Imenoslov: Istoriya yazyka, istoriya kul'tury*. Saint Petersburg, 2010. (Trudy Tsentra slavyano-germanskikh issledovaniy. I). Pp. 169–179.
- Mikheev, S. M. Datirovannaya zapis' o zakladke pskovskogo Troitskogo sobora Vsevolodom Mstislavichem v novgorodskoi rukopisi XII veka [Dated Record in a Novgorod 12th-century Manuscript of Vsevolod Mstislavich Founding the Pskov Trinity Cathedral]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2022. No. 4 (90). Pp. 7–22. DOI10.25986/IRI.2022.4.90.002
- Nazarenko, A. V., Okhotnikova, V. I. Vsevolod (Gavriil) Mstislavich. Pochitanie [Vsevolod (Gavriil) Mstislavich. Veneration]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2005. Vol. 9. Pp. 545–547.
- Nikol'skii, S. L. O kharaktere uchastiya zhenshchin v krovnnoi mesti (Skandinaviya i Drevnyaya Rus') [About the Nature of Women's Participation in Blood Feuds (Scandinavia and Old Rus)]. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 1999 god.* Moscow, 2001. Pp. 160–168.
- Podskal'ski, G. Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoi Rusi (988–1237 gg.) [Christianity and Theological Literature in Kievan Rus (988–1237)]. 2nd edition, revised and expanded for trans. into Russian. Trans. by A. V. Nazarenko; ed. K. K. Akent'eva. Saint Petersburg, 1996. 572 p.
- Presnyakov, A. E. Knyazhoe pravo v drevnei Rusi. Lektsii po russkoi istorii. Kievskaya Rus' [Princely Law in Old Rus. Lectures on Russian History. Kievan Rus]. Moscow, 1993. 635 p.
- Prokhorov, G. M. Povest' o Batyevom nashestvii v Lavrent'evskoi letopisi [The Story of the Batu Invasion in the Laurentian Chronicle]. In *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Leningrad, 1974. Vol. 28. Pp. 77–98.

- Rukavishnikov, A. V. Nekotorye voprosy istorii Polotskoi zemli domongol'skogo perioda [Some Questions of the History of the Polotsk Land of the Pre-Mongol Period]. In *Russkoe Srednevekov'e. 2000–2001 gg.* Moscow, 2002. Pp. 40–69.
- Rukavishnikov, A. V. Pochemu polotskie knyaz'ya byli soslany v Vizantiyu: svidetel'stva istochnikov [Why the Princes of Polotsk were Exiled to Byzantium: Evidence from Sources]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki.* 2003. No. 2 (12). Pp. 99–111.
- Rydzevskaya, E. A. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya v IX–XIV vv. (materialy i issledovaniya) [Old Rus and Scandinavia in the 9th – 14th Centuries. (Materials and Research)]. Moscow, 1978. (Drevneishie gosudarstva na territorii SSSR. Materialy i issledovaniya, 1978). 240 p.
- Shakhmatov, A. A. Obozrenie russkikh letopisnykh svodov XIV–XVI vv. [Review of Russian Chronicle Codes of the 14th – 16th Centuries]. Moscow; Leningrad, 1938. 372 p.
- Shakhmatov, A. A. Istoriya russkogo letopisaniya [The History of Russian Chronicles]. In 2 vol. Saint Petersburg, 2002. Vol. 1. Book 1. 484, [1] p., [1] l. of portr.; Saint Petersburg, 2003. Vol. 1. Book 2. 1021, [2] p.
- Stefanovich, P. S. Volodar' peremysl'skii v plenu u polyakov (1122 g.): istochnik, fakt, legenda, vymysel [Volodar of Przemysl in Captivity by the Poles (1122): Source, Fact, Legend, Fiction]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki.* 2006. No. 3 (25). Pp. 56–74; No. 4 (26). Pp. 78–89.
- Stender-Petersen, A. Varangika: istoriko-filologicheskie issledovaniya [Varangika: Historical and Philological Studies]. Moscow, 2021. 384 p.
- Temchin, S. N. Obshchii element dvukh rasskazov o zhenakh knyazya Vladimira: vizantiiskoi printsesse Anne i polotskoi knyazhne Rognede [The Common Element of Two Stories about the Wives of Prince Vladimir: The Byzantine Princess Anna and the Polotsk Princess Rogneda]. In *Rus' epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v pamyat' tsysacheletiya konchiny svyatogo ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira i muchenicheskogo podviga svyatykh knyazei Borisa i Gleba (Moskva, 14–16 oktyabrya 2015 g.)*. Moscow; Vologda, 2017. Pp. 294–307.
- Uspenskii, B. A. Boris i Gleb: Vospriyatie istorii v Drevnei Rusi [Boris and Gleb: Perception of History in Old Rus]. Moscow, 2000. 124 p.
- Vilkul, T. L. Litopis i khronograf. Studii z domongol's'kogo kiivs'kogo litopisannya [Chronicle and Chronograph. Essays on the Pre-Mongol Kiev Chronicles]. Kiev, 2015. 518 p.
- Vodolazkin, E. G. Vsemirnaya istoriya v literature Drevnei Rusi (na materiale khronograficheskogo i paleinogo povestvovaniya XI–XV vekov) [World History in the Literature of Old Rus (Based on the Chronographic and Palea Narrative of the 11th – 15th Centuries)]. 2nd edition, revised and expanded. Saint Petersburg, 2008. 493 p., [4] l. of col. il., facs.
- Yanin, V. L. Novgorodskie posadniki [Novgorod Posadniks]. 2nd edition, revised and expanded. Moscow, 2003. 511 p.

Daria S. Glebova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

POLOTSK PRINCIPALITY AS MEMORY OF THE DISTANT PAST
IN LAURENTIAN AND HYPATIAN CHRONICLES (12th CENTURY)

The article focuses on the references to the past in the 12th century annalistic entries of Laurentian and Hypatian Chronicles. Analyzed together, the references to the distant past allow one to see the narrative structure which clarifies the role of Polotsk princes in the Rurikids' dynastic "mythology".

Keywords: memory, 12th century, Laurentian Chronicle, Hypatian Chronicle, Polotsk, Rogneda, image of the past